

Василь БЫКОВ, лауреат Государственной премии СССР.

На восходе солнца

КИНОПОВЕСТЬ

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

О тличное бетонированное шоссе с густым движением в оба конца: колонны автомашин с боеприпасами, бензозаправщики, грузовики, между ними санитарные, автолетучки, специальные — «студебеккеры», «доджи», «виллисы». Рядом идут солдаты, едут верховые, навстречу ползут грузовики с ранеными в кузовах. С неба пригревает солнце, распускаются деревья. Весна.

По обочине шоссе идут два бойца. Они в распахнутых на груди шинелях, в зимних шапках, с тощими вещмешками, небрежно закинутыми за плечи. Один из них Васюков.

— Однако пригревает, — говорит он и снимает шинель. На его гимнастерке две медали «За отвагу», на погонах нашивки младшего сержанта.

Тяжелейшая борьба нашего народа против немецко-фашистских захватчиков породила массовый героизм советских воинов на всех фронтах Великой Отечественной войны. Примерами героических подвигов изобилуют все четыре года войны — от памятного воскресенья сорок первого года до ее последнего дня, когда немецкая военная машина вермахта была окончательно разгромлена. Но даже и в конце разгромленные гитлеровские части обычно сопротивлялись до последней возможности, продолжая убивать всех, кто попадался на пути их поспешного отхода на Запад, навстречу наступающим армиям союзников.

История войны знает немало случаев, когда для многих солдат война не кончилась 9 мая, когда еще и после победного дня продолжались стычки с частями и подразделениями СС, унесшие немало жизней наших солдат и офицеров, воинский долг для которых, как и на протяжении

всей войны, был в этот день дороже естественного желания выжить.

В основу данного сценария положен действительный случай, имевший место на Третьем Украинском фронте, когда несколько советских военнослужащих, случайно оказавшихся 9 мая 1945 года в стороне от расположения основной массы войск, приняли на себя удар отходящей на запад эсэсовской группировки. Связав ее боем у переправы, они на несколько часов задержали эту группировку, дав тем возможность нашим танкистам наступить и разгромить ее у последней черты. Но этот их подвиг стоил большинству жизни, с которой они расстались в солнечный, радостный день нашей великой Победы.

Телефильм по данному сценарию снимается на студии «Беларусьфильм», режиссер-постановщик — Александр Карпов.

Автор

та. Другой, пожилой усатый боец, в ботинках с обмотками, размеренно топает по обочине.

— Пригревает, да. Весна, матушка, землю пахать надо.

— Скоро будем пахать. Вот доколотим гада...

— Должны доколотить. Вон какую силу собрали! Слышал, вчера говорили, на Запад кинулся. К союзникам. Нашим в плен не хочет сдаваться.

— Ничего, догоним. Теперь уж никуда не денется. Теперь наша сила. Вот бы скорее до части дойти.

— Хуже нет, чем ждать и догонять, — говорит боец. — Пока до части дойдешь, сапоги стопчешь.

— Значит, хорошо часть идет. Ходко!

Они сторонятся пронесшихся мимо машин с тяжелыми минометами на прицепе, потом, хлопая вздувшимся брезентом, проходят несколько «катуш», и за ними появляется издававшая виды полуторка с несколькими случайными пассажирами в разбитом кузове. Из машины раздается веселые звуки гармошки, и Васюков с бойцом на обочине замедляют шаг.

— Старший лейтенант! Товарищ старший лейтенант! — вдруг кричит Васюков и срывается вдогонку за машиной. Он машет рукой, кричит, и полуторка не сразу останавливается на дороге.

Васюков, оставив своего попутчика, подбегает к ней, лицо его горит радостью встречи, гармонист, приглушив музыку, недоуменно глядит на младшего сержанта. Трое пассажиров в кузове поворачивают головы в его сторону.

— Товарищ старший лейтенант! — радостно говорит Васюков, и гармонист вскакивает с гармонью в руках. Это Ананьев. Но он уже не старший лейтенант, на его защитных погонах по одной майорской звезде и на груди четыре ордена с золотой звездочкой героя.

— Васюков! Ядрена шиш! Живой? Васюков! Давай сюда лезь!

Васюков карабкается через борт, на него с любопытством поглядывают санструкторша Зина, сидящая рядом с Ананьевым, снисходительно окидывает его взглядом разведчик-сержант с орденом Красного Знамени на груди и с автоматом между коленей.

— Товарищ старший... Виноват, товарищ майор! — смущается Васюков. — Гляжу, вы... Давай подведем! — кричит он своему спутнику, но тот машет рукой: мол, езжайте, я дойду сам.

— Ну вот видишь! А ты говорил. Встретились, значит. Ну как жизнь? — говорит Ананьев. — Садись вот на скат. Куда топаешь?

— Да в Прутьиц сказали.

— И мы в Прутьиц. Так что поедем вместе. Небось, из госпиталя?

— Из госпиталя, — говорит Васюков.

— Вот, брат, дела! Чуть не опоздали. Война-то кончается!

— Кончается.

— Ты, признайся, выписался или... дал деру?

— Я? Выписался, товарищ майор. Документ имею.

— А я, скажу по секрету, дал деру. Нога еще не шибко того... выписывать ни в какую. Ну я и драпанул. Вот с ее помощью, — обнимает он Зину. Та слегка отстраняется. Видно, ей это приятно, хотя она и говорит неуверенно:

— Да что вы, товарищ майор?

— А ничего. Это свой парень, Васюков. Когда-то был у меня ординарцем. А теперь — в пехоте по-прежнему?

— В пехоте, — вдыхает Васюков.

— Ничего, не долго уж осталось пехоте. И артиллерии и авиации. Главное, Берлин взят, так что... Пилипенку помнишь?

— Старшину Пилипенку?

— Ну. Все мечтал: до Берлина б дорваться! Ух, злой на них был! Не дорвался. А Ваня, тот, наоборот, добряк был, не дожид. Помнишь Ваня?

— Ну.

— За высотой, где тебя ранило, его убили. Потом уже тело обнаружили.

Идущие впереди машины начинают останавливаться, останавливаются и полуторка. Из кабины, став на подножку, выглядывает старший техник-лейтенант — пожилой человек в облезшей цигейковой шапке.

— Что там еще?

— Сходи глянь! — говорит Ананьев. — Может, обехать можно.

Старший техник-лейтенант захлопывает дверцу. Из кузова соскакивает на дорогу разведчик, и оба они идут в голову колонны. Ананьев накидывает на плечо ремень гармошки.

— Ко мне пойдешь! — вдруг говорит он Васюкову. — В гвардейский полк. Назначу в такую роту — не пожалеешь. Орлы — не автоматчики!

— Да я... В саперах последнее время служил.

— В саперы хочешь? Назначу в саперный взвод. Куда хошь. Все могу. Я ж все-таки зам. командира полка. Не хрен собачий. Могу своим адъютантом. Хошь?

Васюков смущенно сдвигает на голову шапку.

— Где мне адъютантом!

— Ну, смотри сам! Разведчика вон уже сагитировал. Меняет дивизионную разведку на полковую. А что? В полковой еще интереснее. И вот Зина сменила свой ППГ на санчасть. И жалеть не будет. Правда, Зинка?

Зина молча влюбленными глазами поглядывает на майора.

— Люблю кадры сам подбирать. Чтоб воевать было надежнее. Кадры решают все. Или ничего. Смотря какие собрались.

Колонна машин стоит, в небе проносятся несколько немецких самолетов, откуда-то из-за холма по ним открывают огонь зенитки. Впереди слышатся несколько мощных взрывов.

— Вот еще зараза! Не хватало перед концом всю обедню испортить! — озабоченно говорит майор.

Из головы колонны возвращаются старший техник-лейтенант с разведчиком, который на ходу говорит:

— Слезай, приехали! Впереди мост взорван.

— Вот те и раз! — говорит майор, приставая в кузове. — Давай куда в объезд. В пешем строе, сам знаешь, я не ходонок. А ну, поищите, где объезд!

Все вглядываются в окрестности и видят, как впереди несколько машин сворачивают на боковую дорогу.

— А вот давай дуй за ними! — говорит Ананьев. — По проселочку.

— Куда там за ними? — не соглашается озабоченный старший техник-лейтенант. Он старший машины, остальные, кроме шофера в кабине, тут лишь пассажиры.

— Давай, давай! — понукает его майор. — Раз те едут, значит, знают куда. Не один же мост на реке. Верно?

Старший техник-лейтенант молча садится в кабину, разведчик вскакивает в кузов, и машина, пробравшись обочиной, съезжает на боковую дорогу.

— Давай шпарь смелее! — говорит Ананьев. — Куда-нибудь выедем. Не стоять же, когда война вот-вот кончится.

По ровному, обсаженному деревьями проселку машина проезжает мимо аккуратной деревни с черепичными крышами, пересекает сосно-

вую, посаженную ровными рядами рощу. Дальше дорога идет вдоль неширокой, но полноводной реки. Моста, однако, нигде не видать, и машина удаляется километров на пять от шоссе. Наконец пассажиры из ее кузова видят, что прежде их уехавшие машины перебираются через речку вброд. Две машины уже на том берегу, третья, нутужно ревя, выбирается из воды.

— Ну вот и переедем! Обязательно мост? Вброд переедем, подумаешь! — говорит майор.

Полуторка осторожно спускается по скосу к воде. На противоположном берегу реки у самой почти воды среди старых деревьев приютилась какая-то усадьба — двухэтажный под черепицей особняк, несколько хозяйственных построек. Укатанная дорога от брода поднимается к этой усадьбе.

Машина заходит в воду, погрузившись до крыльев. На подножке, раскрыв кабину, стоит старший техник-лейтенант.

— Воробей, вправо, вправо давай! — командует он шоферу, молодому парнишке в гимнастерке без карманов. — Вправо, Воробей!

— Куда вправо, влево давай! — кричит из кузова Ананьев. Воробей туда-сюда поворачивает руль, вдруг машина наклоняется и, видимо, попав в подводную яму, сильно оседает правым бортом. Старший техник-лейтенант до коленей оказывается в воде.

— Воробей! Газ! Газ, Воробей!

Воробей дает газ, машина дергается и наклоняется еще больше, мотор чихает и глохнет. Наступает тишина.

— Ну вот, въехали! Черт бы тебя подрал, Воробей! — ругает шофера его начальник. — Я тебе командовал влево!

— Я и брал влево! — слабо оправдывается водитель.

— А ну заводи! Заводи, говорю!

Воробей пытается завести, но машина не заводится.

— Что пыкаться! Толкнуть надо, — говорит разведчик и, ступив на колесо, слезает в воду. Воды здесь по колено.

— Надо толкать, — соглашается майор. — Васюков!

Васюков слезает, слезает Ананьев, за ним пытается слезть Зина, но майор прикрикивает на нее:

— А ты куда? Сиди, без тебя управимся.

— Не лезьте глубоко, товарищ майор! — говорит Зина. — Вам нельзя колено мочить.

— Да ладно!

Заметно хромая, майор заходит с заднего борта. Вместе с техником-лейтенантом все принимаются толкать машину. Ананьев командует:

— А ну! Раз-два — взяли!

Воробей, наконец, заводит, машина дергается, дымит, но только глубже погружается передними колесами в воду.

— Ой, ой! Вы меня не утопите? — пугается Зина.

— Не бойсь! До самой смерти жива будешь! — ободряет майор. — А ну, взяли!..

— Не лезь глубоко, Петя, смотри не намочи колено! — говорит из кузова Зина.

Минуту спустя, устав и намочив, все распрямляются, старший техник-лейтенант вытирает рукавом лоб.

— Буксир надо. Может, еще кто подъедет. Студор, может, подъедет.

— Вот где совсем мелко, — говорит Васюков, отойдя чуть в сторону. — Надо было сюда. Тут брод. Можно перейти.

— Перейти-то можно. А машина? — недовольно говорит старший техник-лейтенант.

— Ладно! Пусть ждет твоя машина, — говорит майор. — Мы вброд. Зина, слазь!

— Петя, нога! Смотри ногу, товарищ майор!

— Что смотреть. Уже мокрая.

— Ну вот.

Зина по колесу спускается в воду, и небольшая группа идет вброд. Впереди, щупая ногами дно, пробирается Васюков с разведчиком. Старший техник-лейтенант оставляет с машиной шофера и присоединяется к идущим.

Минуту спустя все благополучно одолевают брод и вылезают на берег. Тем временем день кончается, за леском опускается солнце. Становится прохладно. Все изрядно намокли, и как только оказались на берегу, принялись выливать воду из сапог и перевешивать мокрые портянки. Зина сухим бинтом перевязывает Ананьеву колено. Тот блаженно откинулся на траве.

— Все мокро! Все мокро! Нельзя же мочить, я же предупреждала, — обеспокоенно говорит Зина.

— Ничего! Брунда! Заживет, как на собаке. Шесть ран зажило, заживет и седьмая. Вот только как мне дойти?..

— Если машину не вытаскают, придется заночевать, — говорит техник-лейтенант. — Куда же без машины.

— Васюков, а ну глянь, что там в этой хорошине?

Васюков, натянув на мокрую портянку мокрый сапог, поднимается с берега.

— На, автомат возьми, — говорит разведчик. — На всякий случай. Мало чего...

Васюков приближается к парку и по усыпанной толченым кирпичом дорожке подходит к вилле. Серые, отделанные под гранит стены, узкие окна, две темные ели у входа. На углу второго этажа встроенный внутрь балкон, большое окно мансарды. Аккуратная дверь с медным кольцом закрыта, нигде никого не видно.

Васюков поднимается на невысокое гранитное крыльцо и стучит в дверь.

— Эй! Есть кто живой?

За дверью слышатся шаги, брякают запоры, и дверь открывается.

— Здравствуйте, товарищ!

На пороге стоит старый человек в вельветовой куртке и шлепанцах на босую ногу. На гладко выбритом дряблом лице тревога и угодливость, руки, придерживающие дверь, заметно дрожат.

— Немцев нету? Военных здесь нету? — спрашивает Васюков.

— Милитар? Нету, нету.

— Сейчас зайдем к вам! — громко, как глухому, говорит Васюков. — Переночевать надо, понимаешь? Шляуфен.

— А, шляуфен! Я, я. Понимаю...

Васюков бегом вернулся на берег, с которого уже поднялись его товарищи. Ананьева пыталась поддержать Зина, но он отстранил ее. На том берегу возле машины остался сиротливо сидеть Воробей.

— Отличный дом там. И какой-то старик. Говорит, можно переночевать.

Пятеро, не спеша, чтобы не обгонять майора, поднялись с берега к деревьям парка, прошли по дорожке к парадному. Старик-немец уже дожидался их на крыльце. Разглядев впереди майора со звездой на груди, поклонился ему сдержанно, с достоинством:

— Здравствуй, товарищ!

— Здоров, здоров! Вот чуть не утопи возле твоей хаты. Теперь посушиться надо.

— Я, я, — сказал немец, как будто что-то понял. — Яволь!

— Давай, приглашай в дом.

Старик перешагнул через порог, за ним порог переступили Ананьев, Зина, Васюков — и все остальные прошли в узкую дверь.

Старик привел их в просторную комнату-зал с высокими, завешанными порттьерами окнами, темной мебелью и дубовым паркетом, отчаянно заскрипевшим под их ногами. На стенах зала торчали оленьи рога, мерцали какие-то картины в золоченых рамках. На боковой стене возле двери висел огромный Gobelin, изображавший бегущих косуль, преследуемых кабанами в окружении буйно разросшейся папоротниковидной растительности. В углу зияло черное жерло камина с низкой чугунной решеткой.

— Вот и добро, — сказал майор, опускаясь на широкий диван, обтянутый коричневой кожей. — Вот и посушимся. А то вон как намокли. Чертов этот ваш брод! Форштей?

— Я, я. Понимаю, — подхватился все напряженно рассматривавший гостей хозяин и быстро вышел из комнаты.

— Располагайся, славяне, — сказал майор. — Может, еще и подрубить тут найдется.

— Да-а! Живут же буржуи! — разглядывая

убранство комнаты, сказал Васюков. — Сколько тут книг.

Огромные черные шкафы с пола до потолка были набиты толстенными книгами в кожаных переплетах.

— Действительно! — согласился разведчик. — Диван кожаный! Сколько бы сапог вышло. И бархоток заодно, — потрепал он угол бархатной порттьеры.

— Ну-ну! — воспрещающе прикрикнул Ананьев. — Мне чтоб никаких шалостей! Знаешь, тебе не Орловская область. Европа.

Разведчик хитровато ухмыльнулся.

Не дожидаясь хозяйни, Васюков начал хлопотать возле камина, разжег на углях несколько березовых чурок. Майор пересел в кожаное кресло, поближе к камину, протянул к огню мокрую ногу. В это время открылась боковая дверь и в комнату вошла молодая женщина с небольшим подносом в руках, на котором лежало несколько аккуратно нарезанных тоненьких ломтиков хлеба, намазанных маргарином. Знакомый старик нес в поднятой руке зажженный карбидный фонарь. Женщина сдержанно взглянула на гостей и по указке старика подошла с подносом к майору.

— Битте, гер офицер!

— Спасибо, спасибо.

— Брот, — сказал сзади старик. — Битте дойч брот.

— Ах, брот! — удивился майор и захохотал. — Брот! Я говорил брот! А не брот.

— Брот, брот. Я понимал, — озадаченно приговаривал немец.

— Ни черта ты не понял, — сказал, перестав смеяться, Ананьев и, взяв бутерброд, поднял веселые глаза на женщину. — Ух, ты! Вот это красotka! Глянь-ка, Зина! В штанах!

Немка действительно была хороша: изящная головка с длинно опущенными на плечи волосами, стройная шея и узенькие плечи под темной кофточкой, но Ананьева больше всего поразили узкие облегающие брючки на ее стройных ногах.

— Вот это да! — восхищенно твердил майор. — Как зовут тебя? Имя тебе как?

Немка, поводя подкрашенными глазами и кокетливо улыбаясь майору, однако не понимала, и старик сказал:

— Фройлен ест Ирма.

— Ах, Ирма! Хороша Ирма. Правда, Васюков? А?

Васюков взял с подноса свой бутерброд, встретился взглядом с немкой и смутился. У камина, развешивая мокрые бинты, неприязненно покосился на Ирму Зина.

— Какая-нибудь фашистка...

Раздав бутерброды, Ирма вышла, сопровождаемая восхищенным взглядом майора, немецкий старик остался.

— Что, дочка? — кивнул в ее сторону Ананьев.

— Вас ист дас?

— Ирма, Ирма, говорю, кто тебе? Дочка? Ну эта...

— Тохтер? — подсказал разведчик.

— Никс тохтер, — сказал немец. — Ирма швигертохтер, ферштейн?

— Ни черта не ферштейн, — сказал Ананьев.

— Вроде бы швагерка она, — сказал разведчик. — Жена сына.

— Ах, невестка! Понятно. Однако выбрал сынок невестку. А где сам? Сыи-то?

— Во зон? — перевел разведчик.

Вместо ответа старик неопределенно развел руками.

— Понятно. В армии, где же еще ему быть. А ты кто? Буржуй, да?

Немец неожиданно понял и произнес длинную фразу, вслушавшись в которую разведчик резюмировал:

— Он архитектор. Гражданские дома строил.

— Ах, архитектор! А я думал, буржуй, — сказал майор. — Здорово живешь.

— Я, я, — сказал архитектор. — Сдорофо!

Тем временем Васюков, жуя свой бутерброд, разглядывал гравюры на стенах, посмотрел на пирамидки фарфоровой посуды в застекленных шкафах, открыл дверь в смежную комнату и прошел туда. Это было небольшое помещение с множеством различных чертежей зданий на стенах, под стеклом на специальной подставке стояло несколько изящно изготовленных, словно игрушечных, макетов зданий, и Васюков догадался, что, очевидно, здесь был кабинет архитектора. Рассматривая макеты, он услышал сзади шаги и вздрогнул — в раскрывшихся дверях стояла Ирма.

Она тоже заметно смутилась, но быстро овладела собой и, улыбаясь, заговорила по-русски:

— Товариш хотел посмотреть? Посмотрит апартамент? Можно, битте, товариш...

Жестами она увлекла его что-то посмотреть. Из комнаты, где находились они, вело несколько дверей, очевидно, в смежные помещения, и он растерялся. Он не хотел уходить далеко от своих.

— Нет, нет. Я ничего...

— Нет? Идет товариш, посмотрит сюда...

— Нет, спасибо.

Показалось ему во время этого разговора, что за той дверью, откуда появилась Ирма, послышались удаляющиеся шаги, но он не стал заглядывать туда, а, выждав, прикрыл дверь и поспешил в общий зал к своим.

Едва он приоткрыл дверь, как понял, что здесь что-то случилось. Оцепенев от чего-то только сейчас случившегося, все молча сидели по своим местам. Ананьев в кресле перед камином, на диване Зина, разведчик застыл с ножом и банкой консервов в руке, на середине со странно вздрагивающими руками стоял старик-немец и с повернутой назад головой застыл старший техник-лейтенант. Все ошеломленно смотрели на только что вбежавшего в дверь мокрого по пояс шофера Воробья.

— Честное слово, что я, врать буду! — давая словами, говорил Воробей. — Это... Кончилось. Мир, понимаете... Капитуляция!

Майор вскочил в кресле.

— Кто сказал?

— Капитуляция, понимаете, броневики проезжали, сам полковник сказал. Сегодня в 12 часов. Передали по радию. Полковник сказал.

— Капитуляция? Мир?

— Мир? — не выдержал и, будто ужаленный, вскочил разведчик. — Мир, братцы!

Схватив подмоченную гармошку, он принялся наяривать «барыню» и тут же пустился в пляс. Ходуном заходил скрипучий паркет.

— А не ошибка? — радостно спохватился Ананьев.

— Какая ошибка! Если полковник... Я говорю...

— Боже мой! Боже мой! — приговаривала Зина.

— В 12 часов, а? — не мог поверить Ананьев.

— Ровно в 12. По радию передали. Там у них радия. Сам слышал...

— Ну, славяне! Дождались. Ты, старик, — обратился Ананьев к растерявшемуся немцу. — Мир, понимаешь? Капитуляция! Гитлер капут, понимаешь?

Наверно, только сейчас немец что-то понял и метнулся за дверь.

Разведчик, бросив гармошку, в изнеможении упал на диван.

На стуле, трясясь плечами, беззвучно плакал старший техник-лейтенант.

— А ну давай стол! Пир будет, славяне! — командовал майор.

— Мир, браточки! Неужели жить будем, ха-ха-ха! — не мог унять разведчик.

В зале горит фонарь и несколько свечек. На большом столе посреди зала оживленная Ирма расставляет фарфор. Ирме помогает майор, но он все делает неумело, и Ирма перекладывает его ножи и вилки, раздвигает тарелки. Разведчик финкой вскрывает банки свиной тушенки. Васюков режет хлеб, и Зина раскладывает его по ломтю на тарелку.

— Нет, нет, так надо! — говорит Ирма и, собрав хлеб, складывает его в серебряную хлебницу. Тем временем появляется старик с темной бутылкой в руках. Ананьев шагает навстречу.

— Что такое? Шнапс?

— Никс шнапс. Зер гуте вин! Прима вин!

— А ну, а ну! Гляди ты! Тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года. Вот это выдержка!

— Да это не выдержка. Это год основания фирмы, — говорит разведчик.

— Да ну, знаешь ты! Сейчас вот проверим! Зина, а ну! У нас тоже кое-что найдется, — говорит майор, и Зина с гордостью ставит на стол алюминиевую флягу.

— Спиритус вини! Понятно?

— Браточки, значит, жить будем! Жить будем, вы это понимаете? — не утихает разведчик. — Ох, и напьюсь же я! Старший лейтенант, а вы почему такой... кислый? — обращается он к старшему технику-лейтенанту.

— Чего же мне радоваться? Чему мне радоваться? — с надрывом говорит старший лейтенант. — У меня никого. Ни жены, ни детей. Я вот уцелел, а зачем?..

— Ладно, ты это брось — зачем? Жить бу-

дешь, новую семью заимеешь, — говорит майор. — А ну давай, рассказывайся! Батя, ты тоже садись, Ирмочка, вот сюда, рядом, ты, Зина, тоже. Давай, наливай. А что, в такие маленькие?

Все рассаживаются, старик торжественно наливает из темной бутылки по полрюмки вина каждому.

— А ну, давай! Киданем за Победу! Все-таки мы ее дождался — придавили гада. Правда, господа немцы? — говорит Ананьев. — Ну, за тех, кто не дождался.

Все выпивают, и Ананьев недовольно зажмуривается.

— Ну, тоже мне вин! Ни в гузе, ни в роте! А ну дай нашу фляжечку. Что это за победа!

— Гут, гут вин, — говорит старик, отпив половину рюмки.

— Нормальная мадера, — говорит разведчик.

— Вкусное вино, да, — говорит Зина. Ирмочка живым взглядом окидывает русских, все больше задерживаясь на майоре. Она оживлена и даже захмелела вроде.

— Гут! Гут! Караше!

— Ерунда! Вот давайте я вам... А ну, старик, твою чарку.

Ананьев наливает из фляги старику, Зине, пытается плеснуть Ирме, но та уклоняется. Потом наливает всем остальным и себе в большой граненый фужер.

— А теперь... А теперь я вам должен сказать, — начинает Ананьев, но вдруг замолкает и вопросительно поворачивается к Зине. — Скажи, а, Зинка?

Зина, понимая зардевшись, пожимает плечами.

— Раз такое дело... А чего скрывать? — говорит майор и, обняв одной рукой Зину и держа в другой свой бокал, объявляет: — Мы вот договорились... Чтоб после Победы. Но вот же победа, а? В общем, мы женимся. Правда, Зина?

Зина застенчиво подтверждает кивком головы, и все за столом шумно приветствуют эту новость. Разведчик кричит:

— Горько!

Ананьев, не заставляя себя уговаривать, обнимает Зину, та поднимает ему навстречу счастливые лица, и они целуются.

— Bravo, bravo! — запоздало что-то поняв, хлопает в ладоши Ирмочка, старик растерянно улыбается доброй улыбкой. Все оживлены, только старший техник-лейтенант безучастно смотрит перед собой, никак не реагируя на происходящее за столом.

— Ах, чего только на войне не бывает! — говорит разведчик.

— Все, конец, о войне больше ни звука! — обрывает его Ананьев и обращается к Зине. — Теперь будешь мне рожать ребятшек. Взвод автоматчиков, не меньше!

— И одну девочку. А как же! Санструкторша ведь положена, — смеясь, говорит Зина.

— Согласен. Одну, но не больше. Тремя женщинами я не укомандую. Хотя бы с одной управиться.

— Вот ехала санструкторшей, а приеду женой замкомполка. Чудеса! — счастливо хохочет Зина. — Вот подфартило!

— Не тебе одной подфартило. Победа! — говорит Ананьев и поднимает бокал. — А ну, еще раз за Победу!

Однако он не успевает выпить, как рядом вскакивает Ирмочка.

— Ахтунг! Айн момент!

Она бежит к двери, за ней, что-то вскрикнув и поставив на край стола рюмку, выбегает старик. Ананьев хмурится.

— Что такое? Чего они еще?

Но никто не знает, все настороженно ждут. И майор кивает Васюкову:

— А ну, глянь там!

Васюков, отодвинув стул, выходит в соседнюю комнату — кабинет архитектора. Откуда-то доносятся голоса Ирмы и старика. Васюков распахивает еще одну дверь. Сзади к нему подбегает шофер Воробей с фонариком, луч которого освещает незнакомого человека, остановившегося на ступеньках винтовой, круто уходящей вверх, лестницы. Его за руку тянет Ирмочка, старик что-то взволнованно говорит ей, по-видимому, возражая ее намерению.

Человек хмурится от яркого света и спускается на ступеньку ниже. В свете фонаря видны военные брюки, заправленные в короткие гетры, молодое, испуганное лицо, густая копна светлых волос рассыпалась на голове.

— Кто такой?

Что-то быстро приговаривая, Ирмочка тянет его за руку к выходу из комнаты, старик, замолчав, отступает в сторону, Васюков с Воробеем, все освещающим незнакомого, освобождают про-

ход и идут следом. И Ирмочка вводит человека в зал.

— Майн гатте! — торжественно говорит она. — Никс, никс зольдат, никс офицер — майн гатте. Пауль Шнаке!

— Муж?

Все напряженно вглядываются в незнакомого, на котором при тусклом свете свечей можно, однако, разглядеть немало примет недавнего еще военного. Но Ирмочка с такой доброжелательностью представляет его, что опасения русских постепенно рассеиваются.

— Ага! — говорит Ананьев. — Понятно! Драпанул, значит?

Немец сдержанно осматривает собравшихся и вдруг говорит четко, но с сильным акцентом:

— Капитуляция!

— Во, молодец! Ну раз капитуляция — садись! Садись, черт с тобой. Значит, навоевался? Где воевал: пехота, танки? Авиация?

— Никс авиация. Гренадир группе.

— Говорит, в пехоте, — понял разведчик.

— А, в пехоте. Тогда давай, за Победу! За нашу Победу! Над вашим Гитлером.

Ананьев наливает ему из фляги в свободный фужер, и немец, стукнув каблуками, четко произносит:

— Гитлер капут!

— Вот-вот! Наконец-то! За великий капут. И надолго.

Все выпивают.

В зале в разгаре пирушка, фляга уже пуста, бутылка тоже. Разведчик играет на своей гармошке, Ананьев пытается обнять Ирму, та, смеясь, уклоняется, старик курит самокрутку махорки, которую свернул для него Воробей, и кашляет. Зина молча и ревниво наблюдает за захмелевшим Ананьевым, бледный стоит у стены молодой немец и, облокотясь на стол, сидит мрачный старший техник-лейтенант.

В разгар веселья Васюков замечает за окном мелькнувший луч света и, ничего никому не сказав, выходит во двор.

На темной дорожке недалеко от входа стоит виллис, из него выбирается темный силуэт в плащ-палатке.

— Эй, кто здесь? — окликает Васюков.

— Капитан Сафронов, — отвечает человек. — Ты скажи, здесь мост поблизости есть?

— Моста нет, — говорит Васюков, — брод. Да ночью не проедете. Мы вот днем засели.

— От черт! — говорит капитан. — А там кто? — кивает он на освещенные окна виллы.

— Майор Ананьев. И солдаты. Вот, заночевали.

— Гнидюк, распрягай! — говорит в темноту капитан. — Терещенко — сюда!

Из виллы выскакивает автоматчик в шинели и каске и неторопливо вылезает кто-то еще в длинной шинели. Автоматчик пропускает его вперед, и все идут к крыльцу. Васюков распахивает дверь в зал.

Ананьев отстраняется от Ирмы и Зины, которых он пытается обнять одновременно, и недовольно глядит на вошедших. Отличив его среди остальных, капитан отдает честь.

— Капитан Сафронов. Из военного трибунала армии.

— Откуда? — спрашивает Ананьев. — С передка, с тыла?

— Из Пневница.

— Слышал, говорят, в 12 капитуляция?

— Да ну? Нет, не слышал. Мы в 16 часов выехали, да вот с колесом промучились.

— Точно! Победа, капитан. Дай пять, поздравляю.

Ананьев пожимает капитану руку, делает шаг, чтобы пожать ее и стоящему возле автоматчика человеку в офицерской шинели. Капитан предупреждающе останавливает его.

— Ему не надо. Не положено.

— А что? Пленный?

— Нет, не пленный. Арестованный за трусость. Командир взвода, — тихо говорит Сафронов.

— Ах ты, оборот! Сдрейфил, значит? В конце-то войны?

— Именно, — вздыхает бывший командир взвода Терещенко. — В конце и не выдержал.

— А теперь что? Трибунал?

— Теперь трибунал, — опускает голову Терещенко.

— Ладно. Вы это вот что, — говорит капитан Сафронов и что-то шепчет Ананьеву. Тот машет рукой.

— Есть там у них. В чулан какой-нибудь. Сафронов делает знак Терещенко и ведет его

через зал. За арестованным, как тень, следует часовой-автоматчик. Вдруг придирчивый взгляд капитана останавливается на молодом немце.

— А это?.. Кто такой?

Пауль подбегает и отчеканивает:

— Гитлер капут! Капитуляция.

— Это вот ее муж, — говорит Ананьев, указывая на Ирму. — Драпанул. Не дожидаясь капитуляции.

— Дезертир? А почему здесь? Надо отправить в тыл. Как военнопленного.

— Ладно. Черт с ним! — машет рукой Ананьев. — Отправить всегда успеем.

— Ну, знаете! — несогласно говорит капитан. — Тогда хотя бы изолировать.

— Оставь! Что изолировать? Завтра изолируем.

Поняв, что речь идет о муже, Ирмочка бросается к капитану.

— Гер офицер! Товарищ...

— Товарищ офицер! Битте, битте! — говорит старик и ставит на стол бутылку с прозрачной жидкостью.

— Что это? — настораживается капитан.

— О, шнапс, шнапс, — дрожащими руками старик открывает бутылку.

— Это дело! — говорит Ананьев. — А то принес какую-то мадеру! Ладно, брось, капитан. Давай выпьем!

Капитан, однако, пропускает Терещенко с автоматчиком в дверь и делает знак Паулю следовать вперед. Тот покорно переступает порог. Ирмочка и старик бросаются следом.

Спустя десять минут капитан появляется и с довольным видом потирает руки.

— Вот теперь можно и выпить, майор! За Победу! Если не провокация.

— Никакая не провокация. По радию передали. Так, Воробей?

— Так точно. Полковник-танкист сказал.

— Трудно верится, — говорит капитан, пережевывая хлеб с салом, крупными ломтиками нарезанный на фарфоровой тарелке. — Здесь где-то в ближнем тылу полуокруженная группировка. В лесах эсэсовские части.

— Сдадутся и эсэсовцы, — говорит Ананьев и достает часы на цепочке. — Сколько там до Победы осталось? Всего 15 минут.

— В роще нас обстреляли. Колесо пробито. Едва ноги унесли.

— Это бродячие. Бродячих мы не боимся. Завтра они нам в плен сдадутся.

В зал вбегает Ирмочка, за ней входит старик. Ирмочка бросается к капитану и заламывает руки.

— Гер офицер, гер офицер! Их отшень, отшень просиль! Майн гатте Пауль... Их отшень просиль!

— Ничего не выйдет, — говорит капитан. — У нас есть порядок, который надлежит соблюдать.

Ирмочка начинает плакать.

— Их отшень просиль. Гер офицер! Товарищ, — умоляюще обращается она к Ананьеву. Тот вскакивает.

— Ладно, капитан! Выпусти ты его. Подумай, куда он денется. Вот, сколько тут осталось?.. — он снова достает часы. — Еще семь минут. Ведь Победа же, ты понимаешь.

Капитан молчит.

В это время где-то далеко за лесом взмывает в небо ракета, с ней рядом вторая, далекие очереди трассирующих рассыпаются в небе. Все в зале замирает в тревоге.

— Что это?

Схватив оружие, выскакивают на дорожку, но тревога напрасна. Слышно, как палят вдаль во круг — за рекой, в стороне дороги, где-то за парком. В разных местах в небе горят ракеты, и капитан первым догадывается.

— Это ж салют! Выбрось свои часы, майор!

— В самом деле! Славяне, а ну стреляем! Чтоб в последний раз. Ну, раз-два — пли!

Нестройный залп звучит возле виллы, затем второй и третий.

— Ну вот! Ну вот, теперь ты веришь, капитан? Ведь Победа! Победа, ты понимаешь это?..

В свете, падающем из окон, из раскрытой двери, майор обнимает капитана, затем Зину, которая счастливо льнет к нему, Васюкова. И тут они замечают, что на крыльце одиноко стоит старший техник-лейтенант, а за темным стеклом узкого окна тускло бледнеют два лица арестованных. Все входит в помещение.

— Слушай, капитан, — говорит Ананьев, — давай сюда твоего арестанта. Черт с ним, выпьем по-братски, все равно Победа!

— Ладно! — говорит капитан. — Эй, Гнидюк, выпускай арестанта. И того... немца тоже! Черт с ними!

Продолжение следует.

На восходе солнца

Василь БЫКОВ, лауреат государственной премии СССР.

КИНОПОВЕСТЬ

Тихая ночь, в зале едва светит карбидный фонарь, на столе неубранные остатки ужина. На диване, раскинувшись, спит Ананьев, в кресле Зина. На разостланных на паркете шинелях спят разведчик и шофер Воробей. Рядом ворочается и садится Васюков.

— Нет, я в такую ночь не усну.

За столом в каменной позе сидит старший техник-лейтенант.

— В такую ночь можно и не поспать. Полезно подумать. Как жить, подумать.

— Чего тут думать? — говорит Васюков. — Главное, вот выжили.

— Мы-то выжили. А сколько не дожило. Подумать страшно! Я как подумаю, как представлю себе... Была жена, двое ребят...

— Погибли?

— В первый день. Под Волковыском на аэродроме. Отца и мать расстреляли. Брат в плену пропал. Младший. Старший под Будапештом погиб. И так, считай, в каждой семье. Ужас!

— Ужас, конечно. А все равно жить надо.

Старший техник-лейтенант молчит, и Васюков начинает бессонно бродить по залу, ступая между спящими, приглядывается то к одному, то к другому. Прислушивается. Думает и вспоминает. Через распахнутую дверь проходит в кабинет, где на кушетке спит капитан и на состав-

Окончание. Начало в № 13.

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

ленных стульях конвоир. У окна сидит арестованный Терещенко. Он устало поднимает голову.

— Тихо,— шепотом говорит Васюков.— Чего не спите?

— Не спится,— так же шепотом отвечает Терещенко.— Не до сна мне.

— Да, скверное у вас дело,— понимающе говорит Васюков, садясь на подоконник. За окном едва брезжит рассвет.

— Хуже некуда.

— Судить вас будут?

— Судить, да.

— Как же это вы трусили?

Терещенко вздыхает и отвечает не сразу:

— Понимаешь, сам не пойму. Никогда со мной не было такого. Полтора года воюю. А тут... Как наперли они, ну и... Не выдержал. Побежал. За мной бойцы. Ну и смiali нас.

— Как раз в самый конец войны?

— Вот, думаю, в этом все дело. Конец войны. Жить захотелось. И появилась надежда выжить. Вот и не выдержал.

— Теперь припают.

— Что делать,— разводит руками Терещенко.

Они недолго молчат, потом Васюков говорит счастливо:

— Просто не верится!.. Просто не верится, неужели жить будем? Неужели мы выжили? Никогда не думалось...

— А я думаю: почему я не погиб? Почему меня не убили под Курском? На Сандомирском плацдарме. Или еще где. Зачем было доживать до такого... позора?

— Выжили! Это ж так повезло! Такое счастье! Неужели теперь до старости жить будем? — говорит о своем Васюков.

— И искупить вину невозможно. Поздно. Даже в штрафную поздно. Вот положеньце!..

Переполненный своим счастьем Васюков бредет по анфиладе комнат, поднимается на второй этаж. Всюду тихо. В окнах светится первый рассвет, Васюков счастлив и задумчив. Он выходит через распахнутую дверь на балкон, вдыхает утреннюю свежесть. Тихо дремлют рядом вершины лип с едва распустившимися листочками, в полусотне шагов блестит река. Облокотясь на перила, он смотрит на светлеющий закраек неба и вспоминает год сорок первый — гибель старшины Карпенко в окопе, подвиг Свиаста. Потом переносится в сорок третий, и перед его взором проходят лица бойцов-автоматчиков Чумака, Кривошеева, Шапы, лейтенанта Гриневича и Ананьева, старшего лейтенанта в фуражке и мокрой плащ-палатке...

Светает. Матово блестит река, восточный берег ее, однако, весь погружен в тень. Не сразу до сознания Васюкова доходит смысл какого-то движения на той стороне; слышатся приглушенные звуки моторов. Но вот он видит, как в том месте, где находится брод, появляются три силуэта, они осторожно пробираются по воде к вилле. За ними тихо входит в реку колонна солдат с оружием.

Васюков настораживается, потом негромко окликается с балкона:

— Эй! Кто такие?

Люди в реке заметно обеспокоены, доносится какая-то команда, и струя трассирующей очереди с грохотом бьет в каменную стену виллы. Балкон осыпается штукатуркой, со звоном вылетают стекла из балконной двери.

— Немцы!

Васюков стремглав скатывается с винтовой лестницы и, крикнув в зал «Немцы!», хватается чей-то автомат и опять бежит на балкон. Но передние немцы уже достигли этого берега, в реке целая колонна пехоты, и за ней спускаются к броду автомашины. Пулемет с той стороны открывает огонь по вилле.

Васюков из-за бетонного парапета балкона выпускает несколько торпильных очередей по броду, его пули с рассеиванием взбивают воду, несколько человек там падает. Но успевшие переправиться открывают с берега ураганный огонь по вилле.

Вилла тоже отвечает огнем. С первого этажа доносятся команды Ананьева: «К окнам! Занять все окна! Огонь!»

На балкон к Васюкову прибегает конвоир трибунала с автоматом и несколькими дисками в сумке.

— Ложись! — кричит Васюков.

Крупнокалиберный пулемет с того берега начинает бить по фасаду, осыпая его щебенкой. Сам Васюков распластывается на бетонном полу балкона, рядом падает конвоир.

— Вот сволочи! Откуда они взялись? — говорит конвоир.

— Видно, на запад прорываются.

Когда очередь переносится на другое место, Васюков выглядывает через парапет и видит, что несколько машин с орудиями на прицепе уже на середине реки. Он бьет по ним длинной очередью, одна машина вспыхивает, разлив по воде огненные блики. По-видимому, обнаружив их на балконе, пулемет направляет на него весь поток трассирующих, и вскоре весь балкон тонет в пыли. Щебен, крупные и мелкие куски бетона летят во все стороны, и вот уже в полу и в стенках парапета зияют крупные дыры. Когда пыль слегка сносит ветром, становится видно, как между старых деревьев парка перебегают эсэсовцы.

— Бей по тем! Не подпускай! — возбужденно кричит Васюков конвоиру, но тот лежит, уронив голову на автомат. Васюков переворачивает его и видит бледное, залитое кровью лицо.

— Не повезло... Эх, как не повезло нам... — говорит солдат и замирает.

Снова очередь крупнокалиберного крошит бетон, и Васюков стреляет в ответ. Потом, испугавшись, что долго здесь не удержится, бросается с балкона за дверь. На ходу он срывает с конвоира сумку с дисками и волочит ее за собой.

Снизу слышится густая стрельба, у входа рвутся гранаты, и Васюков по какой-то лестнице бросается еще выше.

Запыхавшись, он взбирается на чердак с несколькими слуховыми окошками в массивной черепичной крыше, выглядывает на переправу. Часть эсэсовцев на этом берегу и возле виллы, другая часть схлынула с брода на ту сторону. Там же стоят автомашины, 2 — 3 из них горят ярким пламенем, развевая на ветру длинные хвосты чадного дыма. Васюков выпускает меткую очередь, и несколько эсэсовцев с брода, разбрызгивая воду, бегут назад. Остальные залегают за деревьями парка.

В бое наступает заминка.

В зале не остается ничего от вчерашнего уюта, в окнах зияют дыры, потолок и стены густо побиты очередями, все засыпано битым стеклом и штукатуркой.

Босой Ананьев с автоматом в руке бросается от окна к окну, расставляя защитников виллы.

— Разведка, держи это окно! На твою личную ответственность, Воробей, это. И на угол, на угол смотри...

— Петя, ты ж ранен! — бросается к майору Зина. Ананьев, размазав на лбу кровь, отмахивается.

— Да ерунда! Касательная. Ты береги патроны! Зина, береги патроны...

Зина размеренно стреляет из-за косяка из пистолета.

В зал вбегает старик. Растерзанный вид его страшен. Воздевая вверх руки, старик в ужасе восклицает:

— Майн гот! Майн гот! Майн либе вилла!..

— Вилла? Черт с ней, с твоей виллой! Гляди, как бы самому не хана... Капитан, что наблюдаешь? — кричит майор в открытую дверь.

— Попрытались, сволочи! Что-то гергечут, а где — не видать.

— Сейчас они бросятся. На рассвете им надо переправиться, а мы мешаем. Старшой! — кричит Ананьев.

— Я, — спокойно отвечает старший техник-лейтенант, взводя курок гагана.

— Ты держи дверь! За тобой дверь. В окна они не выпрыгнут. Высоко. А в дверь — да. Воробей, тоже — на дверь!

Старший техник-лейтенант идет в прихожую к запертой входной двери, за ним бежит Воробей. Ананьев оглядывается и видит в углу бледное лицо стоящего в неподпоясанной гимнастерке Терещенко.

— А ты что?

Тот пожимает плечами.

— Оружия нет? Конечно. Капитан, вооружен арестанта! — кричит Ананьев в раскрытую дверь.

— Не полагается, — отвечает капитан.

— Черт тебя возьми! — свирепеет Ананьев. — А погибать после Победы полагается?

Разведчик от углового окна говорит:

— Эй ты! Держи! — и бросает Терещенко лимонку. Тот ловит ее на лету.

— И давай к двери! Воробей, ко мне! Где Васюков?

— А вон, слышь? — указывает Зина вверх, откуда доносится приглушенный звук очередей.

— Ах, это он! Вот молодец! Надо ему кого на подмогу.

— Не перейдешь, — говорит капитан. — Все окно разнесли, лестницу тоже.

— Ах, гадство! Ах, гадство!..

Шквал огня из парка и от реки заглушает его слова.

Начинается приступ.

Узкое подвальное помещение с маленьким зарешеченным окошком вверх. Горит свеча в какой-то подвеске, и тени от нее, изламываясь, колеблются по стенам. Пауль, нагнувшись, решительно извлекает из-за каких-то ящиков автомат и с силой вгоняет в него магазин. На дворе гремат выстрелы, заглушая слова и плач Иры, которая хватается за одежду мужа, за его руки, потом ноги. Она падает на колени, ее лицо в слезах, она пытается удержать мужа, и он, по-видимому, теряет решимость. Минуту он вслушивается, поглаживая узкие плечи жены, стрельба вроде затихает, она поднимается на ноги и безответно целует его лицо. На его же лице — напряженное внимание и ничего больше. Он весь там, наверху.

Но вот снова грохочут выстрелы, каменные стены подвала сотрясаются от нескольких взрывов. Пауль закусывает губу и отстраняет Иру.

Однако она не отпускает его, она обхватывает его колени, и он не решается употребить силу. Он медлит, пока в паузе между очередями не доносятся зычные крики эсэсовцев:

— Форверт! Хайль Гитлер!

— Эсэсшвайс! — теряет

самообладание

Пауль и решительно вырывается из рук жены. Та бросается следом, но он захлопывает тяжелую дверь...

Почти совсем рассветает, в зале пыль и дым от стрельбы. Рывками бьет из пистолета через подоконник Зина, — выстрелит и присядет, выстрелит и присядет. Ананьев стреляет, перебегая от окна к окну. В одном из простенков стоит с гранатой в руке Терещенко.

— Товарищ майор! Товарищ майор! — кричит сержант-разведчик. — Становитесь сюда! Вы — сюда, я — сюда! — указывает он по обе стороны окна, и майор становится в соседний простенок. Но не успевает он направить в окно автомат, как в зал влетает граната. Ударившись о стену, она отскакивает к столу, и разведчик, коршуном бросившись к ней, успевает вышвырнуть ее обратно. Майор приседает, за окном раздается взрыв, но никто не задел осколками. Окно, однако, остается без единого стекла, с выломанной посередине рамой.

Вслед за первой влетает вторая граната, она падает наискось от окна, и ее успевает ухватить Терещенко. Эта тоже взрывается за окном. Терещенко сразу же припадает спиной к простенку. Но вот в другое окно влетают сразу две гранаты, сержант-разведчик бросается к одной и только успевает швырнуть ее в окно, как другая взрывается в зале. Грохот и дым заполняют зал, сержант переламывается в пояснице, хватаясь рукой за спину, и тихо опускается на пол. К нему бросается Зина.

— Ах, гады! — говорит он и замолкает.

А в углу, поджав под себя ноги, медленно свертывается калачиком Воробей. Окровавленными руками он зажимает живот.

Майор бросается к выбитому окну, из которого летят гранаты, перекинув через подоконник автомат, строчит под стену, к нему подбегает Терещенко, он швыряет туда свою единственную гранату, и под окном затихает. Оба опускаются на пол, тупо глядя друг на друга и вслушиваясь. Потом Ананьев спохватывается:

— Капитан! Капитан!

Но ответа нет. На полу в простенке сидит Зина. Ее плечи сотрясают рыдания.

— Боже, что же это делается! Ведь Победа же, капитуляция, что же это такое...

— Ничего, — говорит Ананьев. — Ничего. Какнибудь. Подождите.

А сверху, с чердака, все строчит автомат. Это обстреливает переправу Васюков.

Ананьев вслушивается и поднимает запыленное, с подсохшей кровью лицо.

— Молодец Васюков! Давай, давай, Васюков! — тихо говорит он и кричит в коридор: — Старшой, ты держись? Держись, старшой!

Старший техник-лейтенант тяжелым шкафом задвигает входную дверь, ему помогает старик архитектор. Выбившись из сил и тяжело дыша, они становятся по обе стороны входа и слушают. Стрельба и разрывы гранат сотрясают дом с другой стороны. С этой вроде бы пока тихо.

— Майн гот! Майн гот! Майн либе вилла, майн унглоклих Дойчленд! — мнет на голове седые волосы архитектор. Старший техник-лейтенант говорит язвительно:

— Дойчленд вам! Вот до чего довели вы свой Дойчленд! Обормоты проклятые!

Старик замолкает, за стеной слышны голоса, и архитектор в ужасе восклицает:

— Эсэ! Дас ист эсэ! Капут! Аллес капут! — Плохо капут, ага? А нам как было? Как вы это себе понимаете? У меня всех подчистую прикончили, это как? Как мне теперь жить? Вот меня укокошат, и весь мой род кончится. А мой род знаешь какой? Петров. Ты понимаешь — Петров я. От Петра Петровича. Ты понимаешь?

— Я, я! — кивает головой старик. — Аллес капут!

В дверь снаружи раздается оглушительный стук, потом стремительная очередь в разных местах прошивает филейки двери. Из шкафа летят щепки. Ряд рваных дыр светится на фоне рассветного утра. Старший техник-лейтенант поднимает наган и стреляет несколько раз.

— Майн гот! Майн гот! — сползая на пол, почти лишается чувств старик.

Новая очередь бьет в дверь пониже, затем раздаются удары тяжелых прикладов, и дверь выпирает, готовая вот-вот распахнуться. Старший техник-лейтенант редко стреляет, каждый раз осматривая барабан нагана. У него остается всего три патрона.

— Пауль! — вдруг испуганно восклицает старик. В прихожей откуда-то появляется Пауль с немецким автоматом в руках. Старший техник-лейтенант отскакивает в сторону, вскинув наган, но Пауль с ходу выпускает в дверь полмагазина и сам отскакивает в сторону.

За дверью все затихает.

— Караше? — говорит Пауль, обращаясь к старшему технику-лейтенанту. — Караше даль швайн эсэс?

— Молодец! — сдержанно хвалит капитан. — Наловчился. Где практиковался?

— Практик? Демьянск! — произносит Пауль. — Уид Витэбск. Уид Брест. Уид Бреслау.

— Солидная практика. Ну, покажи класс! Пауль снова бьет в дверь и, выбросив магазин, заряжает новый.

Наступает тишина, и в этой тиши четко слышны крадущиеся шаги за стеной. Они все ближе, ближе и явственней. Пауль медленно поднимает автомат, готовясь ударить в самый нужный момент, как вдруг, взглянув в пробитую очередями дыру, испуганно вскрикивает:

— Панцирфауст!

Мощный взрыв на пороге вышибает дверь, в щепки разлетается шкаф. Все накрывает клубящаяся туча дыма и пыли, в которой появляются темные тени в касках.

Резко отпрянув от окна, Ананьев бьет почти в упор по выбитой взрывом входной двери, в которую врываются эсэсовцы. Двое из них падают, выронив оружие, и Зина, метнувшись из-за стены, подхватывает автомат. Она укрывается за косяком у двери, Ананьев стоит напротив. Терещенко отстреливается из кабинета. Все окна выбиты, зал простреливается перекрестным огнем. Этот огонь не дает Ананьеву перебежать с места на место, он загнан в угол напротив от входа. От входа его прикрывает лишь стол.

— Зина, не выходи! Зина, стой там! — кричит Ананьев и приседает: очередь из пролома густо бьет в стену над его головой.

— Петя! — восклицает Зина.

— Ничего, ничего! — говорит Ананьев, вскакивая. — Ты держись! Главное, ты держись!

Майор стреляет по входу, но, по-видимому, у него кончаются патроны, он передергивает затвор, однако выстрелов нет. Воспользовавшись его заминкой, в зал врываются двое в касках, Ананьев бросает в них автоматом, потом, схватившись за угол стола, опрокидывает его с посудой на дверь.

Однако эсэсовцы уже ворвались в прихожую и из нее прорываются в зал. Зина из-за косяка бьет по ним сзади, двое падают, автомат из рук убитого отлетает к стене, и Ананьев бросается за ним. Не дотянувшись, однако, до оружия, он падает на колени и хватается рукой за плечо. Между пальцев его бьет кровь.

— Петя! — восклицает Зина, бросаясь из своего укрытия к раненому.

— Стой! — кричит Ананьев, но поздно. Ворвавшийся из разбитой прихожей эсэсовец почти в упор стреляет по обоим из автомата. Ананьев сразу сникает, а Зина еще находит в себе силы обернуться.

— Ах, гады вы! Гады!..

На ее лице боль и отчаяние, ненавидящий взгляд устремлен в пьяное, заросшее щетиной лицо эсэсовца, глаза которого шуряют в нена-

висти и уверенно руки поднимают автомат. Почти со сладострастием на лице он разряжает его в девушку, которая покорно опускается на широкую грудь майора. В этот момент из кабинета врывается Терещенко, они встречаются взглядами, эсэсовец перекидывает ствол автомата, но Терещенко опережает его, и эсэсовец тяжело грохается спиной на паркет.

В зал врываются еще несколько эсэсовцев. Отстреливаясь, Терещенко уходит в глубину помещения...

От сильного толчка в спину Пауль падает на ступеньки крутой каменной лестницы, ведущей в подвал, пытается встать, но, сбитый сапогом, падает снова и сползает до низа. За ним спускаются несколько эсэсовцев, среди которых два офицера, увешанных наградами, в касках, с автоматами в руках.

В подвале несколько тише, чем наверху, выстрелы здесь слышатся глуше. Эсэсовцы включают фонарики, направив их на окровавленное лицо Пауля.

— Дас ист зольдат? — сквозь сжатые зубы спрашивает офицер.

— Никс зольдат, гер оберштурмфюрер. Дас ист цивильмайстер.

— Цивильмайстер? Дас ист швайне! Дас ист верротэр! Эргёген! — приказывает эсэсовец солдатам, и несколько немцев быстро пристраивают веревку на двери. Другие заламывают руки Пауля.

— Верротэр!

— Игр дас ист верротэр! Игр вердербен штурцен Дойчленд! — кричит в отчаянии Пауль. Где-то раздается стук в дверь, и слышится голос Ирмы:

— Пауль! Пауль!

Двое эсэсовцев отпирают дверь, из которой вырывается Ирма. Поняв, что здесь происходит, она бросается к мужу.

— Пауль!

Пауль, однако, почти не реагирует, он ждет, когда эсэсовец закрепит веревку, и спокойно даст накинуть на себя петлю.

— Будьте вы прокляты!

Рыдая, Ирма в отчаянии бросается к одному эсэсовцу, к другому, пока офицер не обрывает ее ругательством. Двое эсэсовцев уводят ее в темный подвал, где она затихает вскоре. Остальные торопливо вешают Пауля.

Тем временем с крыши виллы все трещат выстрелы, и пули взбивают воду реки. Несколько машин горит в броне, несколько застряло на глубине, остальные не могут объехать их. Под огнем с чердака эсэсовцы пытаются перетащить машины, но теряют дорогое для себя время...

Преследуемый эсэсовцами, отстреливаясь, Терещенко перебегает из комнаты в комнату в поисках лестницы наверх. В кабинете, заваленной опрокинутой мебелью, лежит капитан. Он контушен, ранен, но жив. Терещенко пробегает мимо, едва уклоняясь от пуль эсэсовцев, ухватившись за обломанные перила разрушенной винтовой лестницы, подтягивается и скрывается на втором этаже. Подбежавшие эсэсовцы стреляют вслед, потом подтаскивают к лестнице столы, чтобы взобраться следом. Терещенко тем временем спускает им на головы буфет с посудой, закупорив тем узкий лестничный проход, и взбирается выше. У него уже немецкий автомат, но он бережет патроны и стреляет лишь в крайних случаях.

Пробегая мимо разбитых окон, он оглядывается на переправу, в которой возятся с машинами эсэсовцы, не преминув дать одну-две короткие очереди по ним. Наверху, слышно, постреливает автомат Васюкова. Однако эсэсовцы скоро прорываются по винтовой лестнице на второй этаж, и Терещенко едва успевает проскользнуть в люк, ведущий на чердак к Васюкову. Наверное, последней пулей он ранен, и только перевалившись за край люка, обнаруживает это. Пуля вошла в бок, его гимнастерка без ремня скоро набухает кровью.

Васюков под разбитой черепицей кровли, пригнувшись, бросается навстречу Терещенко.

— Что? Что там?

Терещенко машет рукой.

— Все?

— Все, да.

— Так, ничего, — после паузы говорит Васюков. — Вот бинт, на, перевязывайся. Сможешь перевязаться?

Терещенко кивает головой.

— Давай! А я их огоньком! Не любят огонька, сволочи! А ну, еще вам...

Он, наскоро прицелившись, стреляет очень короткими очередями, а Терещенко торопливо пере-

зывает себя под гимнастеркой. Потом, схватившись за автомат, приподнимает люк и едва успевает увернуться от очереди.

— Сволочи!

Хорошо, однако, бетонная балка перекрытия защищает его от пуль снизу, которые крошат ее в щепенку. Но балки этой хватит ненадолго. Наконец в стрельбе наступает пауза, Васюков лежит возле дыры в крыше, не спуская глаз с переправы. Но и на переправе наступает затишье. Бросив застрявшие машины, немцы убрались на тот берег и скрылись за стоящими в колонне автомобилями и в прибрежном кустарнике.

— Как же нам продержаться? Нам бы еще часок, — говорит Васюков. — Должны же наши услышать. Должны подойти.

— Подойдут, да, — говорит Терещенко. — Когда только?

— Вот в том и задача — когда? А где твой капитан? — спрашивает Васюков.

— Кто его знает? Погиб, наверно.

— Чудно! — после паузы говорит Васюков. — Чудно, право. Хотя чему удивляться?

— Вот, думаю, как же мне быть? Если капитан погиб, как же мне быть?

— Ничего! Был бы сам живой. Тут, знаешь, не так-то просто. Ах, сволочи, сволочи! Вот тебе и Победа! Это ж надо!..

Внизу почти во всей вилле распоряжаются эсэсовцы. Офицер отдает распоряжения, кто-то куда-то убегает, прибегает снова. Они здесь в безопасности от огня с чердака, но те за рекой отрезаны и не могут под огнем форсировать брод. В кабинете архитектора, придя в себя, поднимается из-под мебели и обрушенной штукатурки капитан, прислушивается. Ему видны ноги и спины стоящих в зале эсэсовцев, и он, с трудом поднявшись среди обломков мебели, взбирается на подоконник. Оконная рама вышиблена взрывом, он переваливается через подоконник и срывается на той стороне. Недолго лежит, прислушиваясь, но, кажется, его не заметили. Тогда он, зажимая рану в боку, шатким шагом бежит по парку от дерева к дереву — прочь от виллы. Ему удается незамеченным отойти далеко, уже его прикрывают комли толстых деревьев, уже вот-вот близко сосняк. Но путь к нему преграждает сетчатая ограда виллы из проволоки, капитан, шатаясь и падая, бежит вдоль нее, но ограда аккуратная, дыр в ней нигде нет. И высокая. Перелезть ее у капитана нет сил.

И тут его замечают от виллы. Два эсэсовца уже бегут через парк, капитан бросается в другую сторону, бежит, бежит. Но силы у него на исходе, а эсэсовцы уже рядом. Они уже на расстоянии выстрела, и он останавливается.

Ухватившись за ограду, он отдыхает, потом поворачивается к преследователям, которые, поняв его беспомощность, не спешат разрядить свои автоматы.

— Ну! Ну, что ж вы, сволочи! Стреляйте, ну!

И оба враз вскидывают стволы автоматов. Капитан медленно сползает к подножию сетки.

На чердаке возле дыры в черепице лежит Васюков. Возле люка скорчился на боку Терещенко.

— Погибнем мы, а? — говорит Терещенко.

— Может, и погибнем, — говорит Васюков. — Дурное дело нехитрое. Но пропустить их нельзя. Знаешь, что они натворить могут!

— Пропустить нельзя, — соглашается Терещенко.

— Сильно болит?

— Да, болит. Дышать трудно.

— Терпи как-нибудь. Может, еще выдюжим.

— Мне надо выдюжить. Ты понимаешь? Мне надо выдержать.

— Я понимаю...

— Потому что как же я? Так и погибну трусом? Нельзя ж мне погибать трусом. У меня братишка. Пятый класс кончает. Сколько гордости за меня.

— Смотри! Ты смотри, что это? — говорит Васюков, что-то заметив. — А, это ж они фаусты тащат!

Он быстро прицеливается и бьет несколькими очередями по реке. Один там падает с фаустпатроном, но трое других, пригнувшись под тяжестью оружия, перебегают на эту сторону и скрываются под речным обрывом.

— О черт! — говорит Васюков. — Сейчас врежут!

И действительно, почти тотчас слышится выстрел фауста, и одновременно мощный разрыв на углу сотрясает всю виллу. Обрушившись с

конца крыши, вся разом ссыпается черепица, чердак заволакивает пылью, из которой ближе к люку бросается Васюков. Со лба его густо капает кровь.

— Попало, кажется.

— Что, ранен? — пугается Терещенко.

— Ложись, ложись! Сейчас еще врежут.

Они припадают к полу чердака за бетонной балкой и ждут. Действительно, скоро снова щелкает выстрел, и взрыв, кажется, еще большей силы обрушивается на восточное крыло здания. Крыша почти вся лишается черепицы, что-то загорается на нижних этажах, и дым с пылью поднимается к небу.

— Так! И еще будет один! — говорит Васюков.

Но третий разрыв задерживается, Васюков напряженно ждет, рукавом вытирая лоб. Кровь все плывет, заливая глаза, и Терещенко рвет на себе конец бинта.

— Дай перевяжу. А то кровью сплывешь, что тогда я?

— Себе оставь, — говорит Васюков.

— Без тебя мне он не нужен.

Кое-как Терещенко перевязывает голову Васюкову. Пыль слегка оседает, обнажая пологие стропила, из-за которых видны вершины деревьев. Васюков ползком подбирается к краю чердака.

Немцы спешно форсируют реку, по грудь в воде обходя застрявшие машины, и он снова стреляет. Дав две-три очереди, отскакивает к люку, в который бьют чем-то тяжелым снизу, и в смятении смотрит на своего товарища.

— Что?

— Все. Патронов нет.

— У меня тоже.

Наступает тягостная пауза, немцы стараются выбить люк, оба защитника лежат возле него, истекая кровью. Кажется, задвигая люка вот-вот отскочит и на чердак ворвутся эсэсовцы.

— Как же не рассчитал я? Как же не рассчитал? — сокрушается Васюков. И вдруг, ощутив брючный карман, восклицает:

— Есть! Один...

Он вытаскивает один патрон и торопливо засовывает его в ствол автомата. Терещенко тоскливо следит за его приготовлением.

— А я... как же?

— Ты?

Люк уже почти сбит с петель, скоро здесь будут эсэсовцы. Но один патрон нельзя разделить на двоих, и Васюков, вскочив, стреляет под люк в щель, в которую уже пролезают чужие пальцы. Люк захлопывается. И наступает недолгая пауза.

Но пауза почему-то затягивается, снизу доносятся какие-то крики, топот бегущих ног, и первый отдаленный разрыв радостным эхом раскатывается в утреннем небе. Васюков отрывается на руках от пола, приподнимается. Оглушенный, он не сразу различает новые звуки в пространстве, а различив их, обрадованно кричит Терещенко:

— Наши! Ты слышишь — танки!

Он встает на колени и выглядывает за край чердака — немцы, бросив машины, бегут по берегу, бегут через парк между деревьев от виллы. И первые тридцатьчетверки, прорвавшись к реке, осыпают их градом пуль. Заметавшись возле проволочной ловушки, эсэсовцы пытаются выбежать из нее, многие падают, другие пытаются взобраться на сетку, но валятся, сраженные танковыми очередями.

Васюков рывком открывает люк и скатывается по лестнице вниз. За ним сползает Терещенко.

Он с трудом преодолевает лестницу, разбитый, заваленный рухлядью кабинет, зал с засыпанными пылью телами убитых. Он останавливается на каждом взгляде и выходит на разбитое фаустпатроном крыльцо.

Первая тридцатьчетверка, преодолев реку, взбирается на крутой берег. Заметив Васюкова, танкисты откидывают люк, и кто-то там появляется в черном шлеме, машет ему.

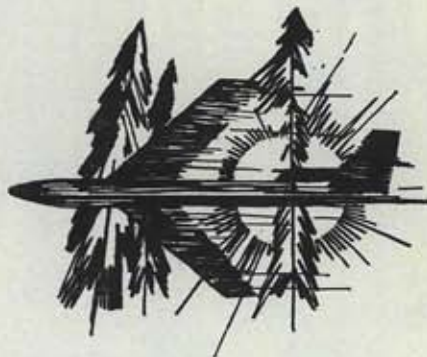
А Васюков, утирая залитый кровью и потом лоб, стоит, прислонившись к иссеченному пулями гранитному косяку и пытается улыбнуться сквозь слезы.

Сзади из вестибюля выползает на ступеньки Терещенко.

За рекой над аккуратным сосновым леском поднимается красный диск солнца.

Наступило утро. Первое утро Победы.

Сергей МНАЦАКАНЯН

Что-то режут реактивные поутру, —
выйду из дома, под небом на миг замру.

Не повернется суровое время вспять.
Раннее утро... Деревья и люди спят...

Дремлет Россия возлюбленная моя,
горькую нежность под ребрами затая.

Дремлет Россия — заводы, колхозы, лес.
После войны я родился и вырос здесь.

Воют турбины, и окна глядят во мглу —
В это от века верую и — люблю...

Только порою под утро взгрустнется мне
о родниковой гранитной крутой стране,

той, где от шепота горный гремит обвал,
я по Армении что-то затосковал...

Что там творится — за соснами января!
Над Ереваном розовая ли заря!

Как там дымится над жизнью атомный век
и крутолобый грецкий хрустит орех!

Как там над садом летит золотая тьма!
Вот уж два года ни весточки, ни письма.

Крупные звезды, шершавые, словно соль, —
крупная радость. Невысказанная боль.

Что там творится! Над древней, седой землей
рев реактивный такой же, как надо мной.

Как там метнулись в кровинках ночной росы
в дедовском доме сторожевые псы!

Правда ль, что прямо в вечность ползет лоза!
Только опомнюсь, протру рукавом глаза...

Воздух таежный просвечивает поутру,
как занавески ситцевые на ветру...

Письмо

Когда к тебе подкрался и настиг
внезапный приступ боли и несчастья,
задумайся о радостях простых,
которые когда-нибудь случатся...

Которые, как первые снега,
внезапно остановят на минуту,
и жизнь ясна предстанет и легка,
сердечную развевая смуту...
А музыка за тонкою стеной!
А свежая хрустящая газета!
Ты испытал тоску во тьме ночной!
Как воздастся все-таки за это!
Как старые знакомцы веселы,
как беззаботно славное застолье,
когда звенят ножи, и хрустали,
и сладостно смириться с крупной

солью.

Непринужденность, счастье само —
и далеко до старости и смерти...

А вот еще — хорошее письмо
в пока что запечатанном конверте.

Что, моя юность! Простимся с тобой!
Сумерки улиц пропахли весной, —
горько среди подмосковных берез
тянется вкрадчивый дым папирос...

Только не думай, что дело табак:
в душу запали, навеки чаруя,
привкус морозца, прикус поцелуя —
как земляника на милых губах...

Выпало — господи не приведи —
столько веселья и столько беды,
столько весенних и трудных дорог,
столько любимых — неужто
не впрок!

Отгрохотали твои поезда
и под ступней простонали причалы,
что же осталось нам, кроме печали!
Самая малость любви и стыда...

Мы позабудем лирический бред
в грохоте буден, в сумятице лет, —
вот фонари в переулках зажиглись:
скоро начнется серьезная жизнь.

Но неспроста, отзываясь в груди,
словно весенняя птица с березы,
юность аукнется — смехом сквозь
слезы —
в будущем, после, еще впереди...

Гостиничная тоска,
гостиничная морозка,
колонны, как на века
застывшие у порога.
Сквозит кисея окрест,
а после в уют ажурный
ворвется ответ дежурной,
что нет и не будет мест.
Но все-таки скрипнет дверь,
найдется пустая койка,
и все хорошо теперь:
божественно! — да и только.
Топорчатся в поздний час
раскрытые чемоданы,
изнанкой в углах светясь,
изнанкой, как наши раны.
Но стоит ли ворошить
обиды и беды на ночь!
Заснем, чтобы ночь прожить,
сосед, Николай Иванович...
Провинцию я люблю
еще и за то, быть может,
что вывеской на углу
гостиница вдруг встревожит.
Так пей же горячий чай,
в ночные вступай беседы,
пускай к тебе невзначай
подсядут твои соседи...
И возгласы вразнобой:
чужие — родные — лица
сомнением и судьбой
торопятся поделиться...
...И что-то издали
догонит потом, прошепчет:
гостиничная тоска,
на горничной белый чепчик.

Рисунки Михаила МИХАЙЛОВА